

М. ВОРОБЬЁВ

13

дней

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Мирон Воробьёв

13 дней

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Воробьёв М.

13 дней / М. Воробьёв — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-05835-4

Преграды и ограничения, создаваемые общественным мнением и собственными комплексами, больше всего проявляются в сексе. Поэтому большинство психологов использует сведения об интимной жизни пациента, чтобы глубже понять его психологические проблемы. Секс – не вся наша жизнь, но значительная ее часть, прямо или косвенно влияющая на остальные сферы бытия абсолютно любой личности. Эта книга создана для читателя, который хочет больше понять себя, открыть новые горизонты и начать наслаждаться жизнью. Женщинам и девушкам желательно не читать эту книгу, иначе у мужчин больше не останется секретов. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05835-4

© Воробьёв М., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

День 0. Понедельник, 24 декабря	5
День 1. Вторник, 25 декабря	9
День 2. Среда, 26 декабря	17
Конец ознакомительного фрагмента.	23

День 0. Понедельник, 24 декабря

Слегка обозленный от голода и усталости, медленно двигаюсь в потоке машин по Ленинскому проспекту. Пересохло в горле, решил остановиться у небольшого магазинчика около Московского дома книги. Вышел из машины, людей вокруг практически не было. Купил воды и возвращаясь к машине заметил девушку, которая никого не стесняясь, мочилась прямо на газоне под фонарем с сигаретой в зубах в пяти метрах от меня.

«Лицо симпатичное, молодая, на вид около двадцати лет, но, наверное, проститутка, их тут много бывает в такое время», – тогда подумал я.

– Простудить не боишься?

Она посмотрела на меня, поднялась и надела джинсы.

– А тебе чего, даже если простужу?

– Дурочка, потом жалеть будешь, а будет поздно!

Не получив ответной реакции на последнюю фразу, подошел к машине.

– Так, может, подвезешь, если жалко? – окликнула она меня и медленно подошла к пассажирской двери.

– Я не в твою сторону?

– А откуда ты знаешь, куда мне ехать?

– Ну и куда?

– Куда угодно.

Она не была похожа на девушку легкого поведения, скорее, на отчаявшуюся. У нее явно что-то произошло, и я почему-то решил поучаствовать в ее проблемах, хотя пока еще даже не подозревал, в каких именно.

– Ну, садись! Только в машине у меня не писай, пожалуйста.

Она села в машину и стала рассматривать салон. Бесцеремонно открыла бардачок, осмотрела снаружи его содержимое и закрыла его. Меня немного задела такая наглость, но я видел, что она не такая, и это больше нервное, чем стиль повседневного поведения.

– Тебя как зовут?

– Айя.

– Сценический псевдоним для проспекта?

– Ты что решил, что я проститутка?

– А что мне думать? Сидишь писаешь на газоне в публичном месте... И не пьяная вроде.

– Козел ты, тебе говорил это кто-нибудь?

– За такие слова можно и по лицу получить? Тебе повезло, что я сегодня добрый.

– А ты бьешь девушек, когда у тебя плохое настроение?

– Только, когда меня просят.

– А я могу попросить.

– Ты выглядишь, как девочка, которой не хватает воспитания. Родители тебя ничему не учили? Ты выглядишь, как потаскуха и ведешь себя вызывающе. Это тебя ни к чему хорошему не приведет.

– Папочкой решил выступить, жизни меня поучить хочешь? Не твое собачье дело, чему меня родители учили. Я сразу поняла, что ты меня трахнуть хочешь, поэтому не надо тут рассказывать, что хорошо, а что плохо. Или думаешь, что подвезешь меня и я тебе отсосу за это?

– Вали! – останавливаю резко машину у обочины, – Ты думаешь, что тебя всем только трахнуть хочется, или комплексы твои голову тебе напрочь забили!

Айя открыла дверь, но не выходя из машины, повернула голову в сторону и в глазах ее появились слезы.

– Меня парень бросил, сегодня, просто позвонил и сказал, что ему не нужна девушка, которая с ним не спит. А я его любила, хотела, чтоб он стал моим первым, но у него все разговоры были только о сексе, я даже ему минет сделала, но ему что-то не понравилось, и он меня ударил. Я ведь брала в рот первый раз, я не знаю, как и что делать. . . .

Она вытирала слезы рукавом своего белого пуховика, потом закрыла дверь, уперлась рукой в стекло и подперла голову, ожидая от меня реакции.

– Ты на жалость давишь? Я не падальщик, чтоб подбирать то, что другой выкинул и не жилетка, в которую можно поплакать. . . . Чтобы долго не разводить сырость, я тебе предлагаю 2 варианта: первый – вали из машины, второй – мы с тобой встречаемся каждый день в течение ровно двух недель. Можешь назвать это предложение курсом терапии. Секса не будет, если только ты сама этого не захочешь.

– Ты издеваешься? Я тебя даже не знаю. . . .

– Своего парня ты знала лучше, чем меня, но, когда тебе плохо, кто с тобой рядом? Незнакомец. Может стоит настройки "фильтра поиска мужчины" изменить? Ты молодая еще, у тебя вся жизнь впереди, и чем раньше ты поймешь, что нужно мужчине, а что тебе, тем лучше.

– Я не знаю, это как-то ненормально.

– Значит, испражняться на глазах у прохожих нормально, а принять решение – нет? Тогда выходи и живи дальше. . . .

Не знаю, почему я так к ней проникся, я никогда в жизни не знакомился на улице за исключением пары случаев еще в студенческом возрасте, при этом я был жутко пьян. Айя не была красивой, но была жутко обаятельной. Детская непосредственность в ней граничила с каким-то внутренним стержнем, больше объяснить не могу. Миниатюрная блондинка с прямыми волосами до плеч, тонкими губами и практически отсутствующей грудью. Стройные ноги и тугой зад хорошо просматривались через плотно облегающие джинсы. Весу в Айе было килограмм сорок, но выглядела она очень гармонично и привлекательно несмотря на то, что пятнадцать минут назад она пускала струю мочи на газон. Это я уже никогда не смогу вырезать из своей памяти. Решающим для меня оказался ее взгляд, карие большие глаза и выразительные скулы очаровывали с первого взгляда.

– Может поехали сначала поедим где-нибудь и поговорим? – тихо спросила Айя.

– Поехали!

Всю дорогу ехали молча, Айя скорей всего оценивала все "за" и "против" моего предложения, перебирая своими маленькими тонкими пальчиками волосы и глядя в окно на быстро меняющиеся пейзажи. Я же ехал с мыслью «а зачем мне все это нужно?». Первая фраза прозвучала от нее только после того, как мы удобно устроились напротив друг друга за столиком в загородном ресторане, где кроме нас больше не было ни души. Интерьер большого зала был выполнен в деревенском стиле: стены из деревянного сруба, высокие сводчатые потолки, шкуры несчастных животных на стенах, национальные украшения.

– А может я к тебе перееду?

!?!??

Такого вопроса я, честно говоря, не ожидал.

– А может ты воровка? Обчистишь мою квартиру, а я только и знаю, что твое конспиративное имя. Такое имя существует вообще или это уменьшительно-ласкательное от какого-нибудь Айгуль или Айседора?

Она полезла в свою большую черную кожаную сумку, достала из нее водительские права и бросила на стол. Я взял их в руки и удивился – Айя было ее настоящее имя.

– Можешь оставить мои права себе в залог, если что-то украду – найдешь меня и закопаешь в лесу.

– Откуда такие мысли? Найдешь. . . . Закопаешь. . . . Я что выгляжу, как убийца?

– Да, нет! Ты, скорее, выглядишь как старый бабник. Я даже согласиться на твое предложение хочу, но не пойму, зачем тебе это надо?

Старым бабником меня еще никто не называл. Сразу захотелось посмотреть в зеркало, проверить свой возраст.

– Понравилась, пожалел тебя! Ты ведь знаешь, что симпатичная мордашка у тебя?

– То есть, ты из жалости хочешь меня трахать две недели?

– Послушай, в моей жизни было очень много женщин, я не голодный подросток и у меня никогда не было проблем с сексом. Я хочу помочь тебе стать женщиной. Да, не отрицаю, я тоже хочу получить удовольствие от этого процесса, наверное, я хочу сделать из гусеницы бабочку.

– Так женись на мне!

– Давай договоримся: две недели, ровно, ни больше, ни меньше. Какие бы чувства в процессе не вспыхнули у тебя или у меня, мы с тобой расстаемся и больше не встречаемся никогда! Это условие, без твоего согласия его соблюсти ничего не будет.

– А почему? Может я влюблюсь в тебя или у меня случайно родиться ребенок после этого, неужели ты бросишь меня?

– Бросишь? Айя, это уговор, а не роман! Никто никого не бросит, мы просто разойдемся и будем жить дальше. Причин я тебе не назову, но это мое условие. А по поводу ребенка, невозможно, я уже давно сделал так, чтобы подобного не случилось. Хирургически.

Тут ей принесли салат "Цезарь", морскую тарелку и виски с колой, а мне – карпаччо из лосося, брускетты с тунцом и бокал светлого пива. Пока мы ели, она ни разу не посмотрела мне в глаза, но я несколько раз замечал ее попытку задать вопрос, но, скорей всего, она не никак не могла сформулировать его, поэтому просто продолжала кушать. Ела она очень мило, постоянно баловалась, делала губки как у уточки и «плямкала» напоказ, корча различные милые гримасы, что только добавляло ей обаятельности.

И, вот, наконец, она задала вопрос, дожевывая кусочек курицы:

– Я буду делать только то, что ты мне скажешь? Если ты будешь со мной мягким, я сяду на голову.

– Я постараюсь сделать так, чтобы на голову ты мне сесть не смогла! Да, тебе придется делать то, что я скажу. Капризы я не терплю, поэтому разведен.

После этого она снова принялась о чем-то думать, ела, пила виски с колой и поглядывала на меня игривым взглядом. Наконец, я решил прервать молчание прагматичным вопросом:

– Ты работаешь? Учишься? Родители что скажут, если ты будешь жить у меня?

– Университет я бросила, работать еще не хочу, а родителям на меня наплевать!

Ситуация с родителями мне была очень близка. Сразу после моего рождения я был сдан в детский дом, после о родительской заботе я узнавал только из фильмов и книг. Я никогда не понимал, какие должны быть отношения между отцом и сыном, поэтому боялся заводить детей.

Айя отложила вилку, допила до дна коктейль, провела обеими руками себя по волосам, сделав сзади на голове хвост из волос, и сказала:

– Хорошо! Только давай сделаем это прямо сегодня, я не хочу думать, как это у нас будет, лучше сразу понять как это?

– Что – это?

– Секс!

– Мы сделаем это тогда, когда ты будешь к этому готова и ни днем раньше, а сегодня мы заедем за твоими вещами и ты переедешь ко мне!

Она ничего не сказала, но всем видом показала, что успокоилась и согласилась, принявшись доедать остатки зелени и курицы с тарелки.

Выйдя из ресторана мне показалось, что сейчас уже будет светать, хотя было всего около трех часов ночи. Айя опустошила меня эмоционально, и я чувствовал себя выжатым, а она,

наоборот, как будто изъела мою энергию, весело и энергично побежав к машине. Она была инфантильной, ее манеры и поведение кричало об отсутствии родительского внимания в детстве.

По дороге она не переставая рассказывала про своего бывшего парня, какой он был дурак, что ее бросил, что он не умел, что умел, но мне это не было особенно интересно, поэтому я погрузился в дорогу и мысли о своем.

– Как к тебе ехать? – спросил я у Айи, въезжая в город.

– Рули, я покажу! – спокойно и уверенно ответила она.

К ее дому мы подъехали около четырех часов утра, усталость проявляла себя достаточно сильно, и я попросил ее оперативно собрать только самые нужные вещи, а остальное пообещал купить ей. Почти уснув в машине, я подумал, а не будет ли моя же затея мне в тягость. Я давно забыл, что такое жить с одной и той же девушкой изо дня в день, но меня успокаивала мысль о том, что этот смелый эксперимент продлится только две недели и затем я снова вернусь к своей прежней жизни завидного холостяка. Также возникли легкие переживания по поводу работы и коллектива, который на две недели лишится моего чуткого руководства, а мои появления в офисе будут не более чем формальностью, что может повлечь работу сотрудников "спустя рукава" и дальнейшие негативные последствия... Так! Не нужно думать о плохом, – успокаивал себя я, – я все смогу, неужели эта неопытная "зеленая" малышка сможет нарушить мой жизненный устой и разрушить все то, что я строил последние годы.

– А вот и я, открой багажник! – Айя и вправду взяла с собой только самое необходимое – две большие спортивные сумки и настольную лампу.

– А лампа тебе зачем? – с недоумением спросил я.

– Я люблю читать, но у меня проблемы с глазами, поэтому мне нужна лампа только с определенной температурой света.

Я удивился, что в такой момент она подумала о самообразовании и книгах, но мне это даже как-то понравилось.

– Ну, что? У тебя последний шанс отказаться и выйти из машины!

– Две недели – не год, выдержу!

По дороге ко мне она нервничала – теребила пальцами, поправляла волосы, одежду. Поглядывая на меня, она явно искала какого-то диалога, хотела что-то обсудить, уточнить, но молчала.

Светало...

День 1. Вторник, 25 декабря

Проснувшись около полудня, я, как всегда, увидел свое отражение в зеркальном потолке. Давно хотел убрать это жлобство, но, когда делал ремонт около пяти лет назад, почему-то решил оставить под влиянием тогдашней пассии, которая считала его очень сексуальным. И правда, первые несколько дней зеркальный потолок разнообразил впечатления во время секса, но потом резко начал раздражать, а времени и сил снова терпеть ремонт не было. Мало того, большинство мужчин тридцатипятилетнего возраста согласятся, что сразу после пробуждения видеть свое отражение уже не так приятно, как раньше.

Мне нравилась моя квартира. Минимум мебели, интерьер в черно-бело-серой гамме цветов, большая терраса с видом на почти всегда зеленый парк жилого комплекса, где я крайне люблю читать книги, работать за компьютером и проводить время с немногочисленными друзьями. Две большие спальни с большими кроватями и окнами "в пол". В хозяйской спальне боком к окну стоит мой рабочий стол, а кровать установлена прямо напротив окна. Больше нет никакой мебели, кроме элементов декора в виде больших растений (даже не знаю, как называются), стоящих в углах комнаты и картин. Этот недостаток с лихвой компенсирован огромной гардеробной, в которой занято всего процентов тридцать места. Всегда чувствовал здесь покой и уют. Это было единственным местом, где я мог найти вдохновение. Я – закрытый человек, не люблю принимать и ходить в гости, не люблю шумных мероприятий, и таким я был с детства. Редкий выход «в свет» связан в подавляющем большинстве случаев с поиском спутницы на вечер или необходимостью поддерживать отношения с друзьями, хотя и в этом случае в конце концов все заканчивалось женским обществом. Я всегда мечтал попасть на далекий тропический остров, где-нибудь в Индийском океане, где жило бы только небольшое поселение из пятнадцати-тридцати креолок или мулаток с мягким нравом, нежной кожей и полным отсутствием нравственных ограничений. Такая жизнь могла бы быть опасной, но не более чем жизнь в большом городе.

В квартире было тихо, я даже на несколько секунд подумал, что мои ночные приключения были всего лишь бурным сновидением. Встав с постели, я направился в ванную комнату, боясь даже войти в гостевую спальню. Страх был связан с необходимостью воплощать в жизнь свои обещания, так как размеренный уклад моей жизни мне не очень хотелось менять. Пока чистил перед зеркалом зубы, я прокручивал в голове все варианты развития событий, и их было, по моему мнению три: она ушла еще до моего пробуждения, передумав участвовать в сомнительном эксперименте; она уйдет, поговорив со мной и поняв, какая это безумная идея или она осталась и спит на моем постельном белье с интересом предвкушая будущие события.

Я, честно говоря, даже забыл, как она выглядит. Запомнились только ее миниатюрные руки и голос, больше ничего. Ну, что сделано, то сделано, назад сдавать я не буду, ведь даже самому интересно, что из этого выйдет, плюс ко всему – потерпеть нужно всего 2 недели. Пополоскав рот после чистки зубов, я медленно, босиком, чтобы не создавать лишних звуков, направился через большую гостиную, совмещенную с кухней, к двери гостевой спальни. Аккуратно нажав на ручку и приоткрыв дверь, я увидел, что на белоснежной постели в лучах солнца спит Айя. Она расположилась почти по диагонали на кровати, лежа на животе. Правое колено было полусогнуто, левая рука выпрямлена и торчала за пределы кровати, а правую она положила под голову. Я медленно зашел и стал прямо у подножья кровати так, что до пальцев ее ног от моих коленей оставалось не более пяти сантиметров. Она спала очень тихо, тонкое одеяло еле прикрывало ее небольшую грудь и почти полностью обнажало попу. Лицо было настолько милым, что я несколько минут стоял и просто смотрел на нее, боясь разбудить.

Взяв себя в руки, я подошел к окну и открыл его. Повеял легкий, прохладный ветерок, Айя зажмурилась, чуть приподняла голову и посмотрела на меня. Мне показалось, что в ее голове в этот момент сразу возникли мысли, схожие с возникшими у меня буквально несколько минут назад. Сомнение, страх, интерес, беспокойство – все читалось в ее взгляде одновременно. Спустя пару секунд молчания, она опустила голову обратно на подушку и глубоко вздохнула.

– Не узнаешь? – спросил я. – А где ты хоть, помнишь?

– Лучше бы я вчера поехала домой. – заспанно произнесла Айя, не открывая глаза и замолчала.

Подсознательно надеясь на второй вариант развития событий, я медленно вышел из комнаты, сказав ей:

– Я жду тебя к завтраку!

Выйдя из спальни, я уже не хотел, чтобы она уходила, видеть ее спящей мне настолько понравилось, что я решил во чтобы то ни стало претворить свой план в жизнь.

Открыв холодильник, я увидел, что завтракать было нечем. Два недельных йогурта с клубникой и отрубями, блистер подсохшего сыра «Маасдам» и недопитая бутылка красного сухого вина – все, что в нем было, поэтому я заказал еду из ближайшего ресторана.

Еще около 20 минут я ходил по кухне, кругами обходя мраморную столешницу, установленную прямо посреди нее в виде острова, создавая видимость приготовления завтрака и выполнения важных домашних дел, при этом, хлопал шкафчиками, двигал посуду, в общем, делал все для того, чтобы Айя поскорей вышла из спальни и мы решили, на каком мы свете и что делаем дальше, или не делаем ничего, хотя этот вариант меня уже совсем не устраивал.

Наконец-то из гостевой спальни вышла тень Айи и направилась в ванную. Она шла в одних трусиках и с прижатой к груди подушкой, даже не проронив взгляда в мою сторону. Я молча провел ее глазами, также ни сказав ни слова. В ванной она пробыла еще минут тридцать, при этом душ даже не включался, но зато несколько раз спускала воду в туалете. Чересчур способный к само- и просто анализу, я начал строить гипотезы подобного поведения:

– Не уж то она плачет и смывает салфетки в унитаз? А может у нее такие особенности пищеварения? А что мы вчера ели?

Пока Айя была в ванной, нам привезли завтрак – яйца "пашот" на брускеттах из белого хлеба с вялеными помидорами, толченым авокадо и моцареллой; два фруктовых салата, свежевыжатый лимонно-апельсиновый сок и подарок от ресторана – слегка мятая плитка шоколада, видимо так они избегают просрочки.

Выйдя из ванной в трусиках и моей футболке, которую я еще несколько дней назад положил в корзину для стирки, она потянулась, встав на цыпочки, и энергично идя в мою сторону, спросила:

– Что у нас есть есть?

– Вот смотри, пока ты спала я все приготовил!

– Не ври, я слышала, как доставщик спрашивал, как ты будешь рассчитываться.

Она прошла мимо меня и еды на столе, открыла холодильник и снова спросила:

– Я смотрю, спрашивать, женат ли ты, глупо?

Введя меня в легкий ступор, я ответил:

– Я ведь еще вчера тебе говорил, что не женат?

– Мужчины много чего говорят! – дерзко ответила она.

– Откуда тебе знать? Статистика на какой выборке основана? Один так говорил? И, кстати, сколько тебе лет? Меня не посадят за растление малолетних?

– Мне 20, и я знала многих мужчин, или чтобы понять психологию нужно обязательно, чтобы мужской член побывал в моей вагине? – она уставилась на меня с бутылкой вина из холодильника в руках, явно ожидая ответа.

– Откуда знать на суше, каково море? – ответил я и сам не понял, что имел ввиду и как эту сентенцию подвести к теме разговора. Посмотрел прямо ей в глаза, ожидая реакции.

Во время этой неловкой паузы мы стояли неподвижно лицом к лицу на расстоянии буквально двадцати сантиметров друг от друга, я даже ощущал ее дыхание.

«Явно почистила зубы моей зубной щеткой, придется выбросить», – подумал я, осознав, насколько старым я стал и о чем вообще думаю рядом с симпатичной молодой девушкой, стоящей прямо передо мной в моей квартире утром в одних трусиках.

Она увела взгляд, обошла стол, села на барный стул напротив меня, подвинула тарелку со всеми брускеттами к себе и принялась есть.

– Хорошо готовишь – сказала она нагло, прожевывая брускетт и не глядя на меня, сделала паузу и добавила: – Сказала бы я повару, который это готовил.

Она вела себя крайне нагло, сутулилась, не смотрела на меня, всем этим выражая свою нервозность, запутанность и желание показаться независимой. Она была уверена, что вчера сделала глупость, показав частичку себя настоящей, но сегодня, наложив на себя маску презрения и инфантильности, усердно принялась портить мое впечатление о себе. Осознав, что ей нужно время и немного простора, по крайней мере в ближайшие несколько часов, я решил удалиться.

– Послушай! Мне нужно уехать по работе на несколько часов. Все что я говорил и предлагал вчера, остается в силе. Ты можешь делать все что угодно в моей квартире, она, как я уже сказал, на следующие две недели твоя. Можешь ходить и брать все что угодно, включая мои личные вещи, ноутбук, трусы, часы и так далее. Я приеду домой к шести вечера. К этому времени я хочу, чтобы ты решила: твои вчерашние слова остаются в силе или ты пасуешь и включаешь заднюю. Если последнее, мы поужинаем с тобой, и я отвезу тебя куда скажешь и больше не буду беспокоить, звонить или писать. Мы просто забудем это, и все! И еще, это единственное серьезное решение, которое тебе нужно будет принять в ближайшее время, если ты останешься. Затем наши отношения будут идти по моим правилам. И за такие проявления характера, как сейчас, ты будешь наказана. Я также хочу, чтобы ты понимала, что игры закончатся, по крайней мере, в твоём нынешнем понимании.

Не переставая жевать, она посмотрела в окно и сказала:

– Хорошо, папочка!

Я подошел к ней вплотную и взял за плечо.

– Не называй меня папочка! В следующий раз получишь пощечину.

Она прекратила жевать, замерла и посмотрела на меня удивленным взглядом, но не сказала ни слова. Я развернулся и ушел.

Выйдя из парадного, я сел в машину, завел ее, взял сигарету и закурил. Я не считал ошибкой свои последние слова, но опасался, что это спугнет ее, хотя я достаточно точно понял, что ей это было просто необходимо. Ее комплексы, окружение и модные тренды в поведении, навязываемые ТВ, интернетом и обществом, не дают ей стать индивидуальностью без оглядки на мнение других людей. Я давно уже понял, что о мнении окружающих нужно думать в последнюю очередь, так как каждого человека заботит лишь его личность, и вообще не волнуют другие люди.

Докурив сигарету, я поехал в офис, после чего было необходимо еще посетить несколько магазинов нашей торговой сети. Предстоял непростой день...

Около половины седьмого я вышел из последнего, запланированного к посещению магазина, не в лучшем расположении духа. Проблем, сбоев и текущих задач в большой торговой сети всегда предостаточно, что не может улучшать настроение или вселять веру в честность и самоотдачу сотрудников. Сев в машину, я снова закурил. Двигаясь в плотном потоке машин из центра в сторону дома, я был погружен мыслями в рабочие моменты и забыв, что меня

дома ждет Айя, почти проехал свой любимый супермаркет, в котором со мной не здороваются разве что новые сотрудники. Проехав на двести метров дальше, я припарковал машину прямо на проезжей части у обочины и отправился в магазин. В моей голове была тихая паника, так как я не понимал, что нужно купить, а звонить и спрашивать у Айи, как-то неправильно, с учетом утреннего разговора, неизвестности ее решения и прочего. Набрал разного алкоголя, полуфабрикатов, свежих фруктов и сладостей, я рассчитался на кассе и отправился дальше.

Подъезжая на парковку дома, я мысленно прокручивал в голове сценарии ее отказа и ухода, что на данном этапе мне казалось более вероятным.

«Открывать двери своим ключом или позвонить», – подумал я в замешательстве, стоя прямо перед дверью собственной квартиры.

Провернув ключ в замочной скважине и открыв дверь, я увидел, что в квартире темно. Включив свет в коридоре, я интуитивно глазами начал искать на зеркале записку от Айи, мол, извини, я не хочу, я ушла. Но ее нигде не было.

Опустошенный ее уходом, я поставил покупки у двери, снял туфли и пальто, и пошел в ванную, принять душ. Последнее, что теряет человек – надежда, поэтому я ждал, что вот-вот откроется дверь, она войдет, и окажется, что Айя ходила в магазин или еще куда-то, но этого все не происходило. Одев на себя после душа футболку и шорты, я приготовил на ужин рис с овощами, вылил в бокал остаток вина, которое оставалось в холодильнике, и усевшись в мягкое кожаное кресло, приступил к ужину и просмотру первого попавшегося триллера. Я никак не мог найти причину, почему она ушла. С одной стороны, я понимал, что испуг сыграл не последнюю роль. Но с другой, мой метод воспитания мог не возыметь должного эффекта, и она подумала, что я какой-то неадекватный тип.

Закончив трапезу и уставившись в телевизор, я вообще не следил за сюжетом фильма, хотя кажется он был неплох. Я не мог понять, почему мне стало так досадно, что от меня ушла девушка, которую я знал менее суток. В моей жизни ранее были и более болезненные расставания, например развод с женой, с которой мы прожили душа в душу четыре года, а потом еще три как кошка с собакой. Вначале тех счастливых лет у нас была полная гармония, но при расставании от нее не осталось и следа, поэтому я пережил это буквально за месяц. Но таких чувств, как сейчас, я не испытывал. Тогда было много обиды, взаимных претензий, невыполненных обещаний и несбывшихся надежд – достаточно большой багаж психологически тяжелых моментов, которые практически не забываются даже через много лет. А здесь, надежда даже не смогла вырасти во что-то осязаемое и не успела стать сбывшейся или нет, а все равно на душе грустно и тошно.

Очнувшись от раздумий, я посмотрел на часы, было почти два часа ночи. Неспешно убрав за собой, я выключил телевизор и пошел спать. Лежа на кровати, включил телефон и решил посмотреть веселое видео на ночь в надежде, хоть как-то улучшить себе настроение. Но тут зазвонил телефон. Это был мой сосед по лестничной площадке.

«Что ему нужно в такой поздний час, может случилось чего?» – подумал я и поднял трубку.

– Привет, не разбудил?

– Да, нет, только собираюсь ложиться, что-то случилось?

– Тут девочка на ступеньках сидит, плачет, говорит, что к тебе, зовут Аня, а консьерж наш ее не пускает... Знаешь ее?

– Айя, да, знаю, можешь ее провести ко мне?

– Ага, сейчас поднимемся, встречай!

Не могу описать своего состояния. Скорей всего, это было очень похоже на радость маленького мальчика, которому запретили играть на площадке с друзьями, а потом разрешили и еще дали мороженое.

Быстро надев черную футболку-поло и джинсы, я подбежал к двери и посмотрел в зеркало, чтобы усилием скрыть счастье на лице и не выдать своего состояния.

Звонок в дверь... Жду около пяти секунд и неспешно открываю.

– Доставка на дом, не теряйте больше своих вещей, – сказал сосед и ушел.

– Спасибо, Леша! – бросил я ему вдогонку и пристально уставился на Айю.

Она стояла, сведя носки ботинок друг к другу, как провинившийся ребенок. Тушь и губная помада были размазаны по всему лицу, джинсы и белая куртка-пуховик были полностью грязные, как будто она падала и каталась по земле. Глаза были опухшие, она не переставала плакать, закусывать губы и нервно сжимать руками сумку. В общем, присутствовал вид полного отчаяния.

– Ну, заходи, нечего сырость на площадке разводить, – холодно сказал я и повернулся боком, давая ей возможность пройти.

Она вошла в квартиру и стала в прихожей, боясь даже раздеться. Я закрыл двери и решил по максимуму использовать эту ситуацию, чтобы усмирить ее. Помимо этого, я был зол и мне нужно было выплеснуть это в какой-нибудь полезной форме, поэтому я решил начать прямо сейчас процесс воспитания. Я прошел мимо нее и пошел на кухню, включил чайник, достал чашку, открыл двери верхнего шкафчика сбоку от варочной поверхности, достал оттуда пакет заварного чая и засыпал его в заварник. Стоя у чайника, я услышал, что она начала снимать куртку, я быстро вышел в прихожую и спокойным голосом сказал:

– Раздеваться я тебе не разрешал!

– Но мне жарко, – сквозь слезы сказала она.

– Говорить я тебе тоже не разрешал! – сказал я спокойным тоном и пошел обратно на кухню.

Она принялась плакать еще больше, завывая на всю квартиру. Мне было жаль ее, но мое снисхождение ее бы ничему не научило.

– Хочешь плакать, стань вон в тот угол, повернись лицом к стене и плачь! – резко сказал я, снова подойдя в прихожую.

Она начала снимать ботинки:

– Говорю второй, последний раз, раздеваться я тебе не разрешал! Я разрешил тебе пойти в угол!

Айя неуверенно, виновато и с непониманием происходящего, пристально глядя мне в глаза, медленно пошла в сторону указанного ей угла, оставляя за собой грязные следы на паркете. Пока она шла, я не сводил с нее строгого взгляда, и как только она стала в угол, вернулся на кухню и залил вскипевшей водой заварник с чаем. Затем я открыл холодильник, достал подаренный рестораном шоколад, отломил чуть меньше от половины плитки, положил его на тарелку и сел в кресло. Включив телевизор, я начал пить чай с шоколадом и переключать каналы в поиске интересного фильма или передачи. Айя в это время всхлипывала в правом углу в нескольких метрах от меня. В зале был выключен свет, поэтому из-за телевизора я почти ее не видел, только очертания мокрого и грязного котенка, принесенного с улицы, плачущего в углу по пока непонятной мне причине.

Прошло около сорока минут молчаливого стояния и всхлипывания в углу. Я заметил, что она начала уставать – мялась с ноги на ногу, облачивалась грязной головой на стену, выпрямляла и снова сутулила спину.

Усвоив утренний урок, я решил, что в первую очередь ее нужно научить перестать стесняться меня и "играть" в общении, она должна стать откровенной и открытой, и я решил научить ее этому, правда очень своеобразно.

Встав с кресла и выключив телевизор, я включил свет в гостиной. Затем я снова сел в кресло и сказал Айе:

– Подойди сюда и стань ко мне лицом!

Она сначала повернула голову и дрожа неспешно пошла в мою сторону. Стоя в углу, она вытирала слезы и сопли рукавами и руками, поэтому вся белая куртка была в характерных пятнах. Она подошла и стала в метре прямо передо мной.

– Раздевайся! – спокойно и строго сказал я, глядя прямо ей в глаза.

Не поднимая глаз, она сняла грязную куртку, затем принялась за ботинки, не выпуская куртку из рук. Сняв обувь, она положила куртку сверху и отставила все в сторону. Дальше она засунула ладони рук в карманы джинсов и замерла.

– Я же сказал, раздевайся! – уже громче и резче сказал я.

Она подняла глаза и исподлобья нагло переспросила:

– В смысле?

– Я не разрешал тебе говорить, я сказал тебе раздеться. Когда нужно будет остановиться, я тебе скажу!

Она уткнулась глазами в пол, подбородок начал дрожать, глаза снова начали наливаться слезами, и она медленно начала поднимать руки и снимать с себя шерстяной свитер. Она положила его на пуховик и начала медленно расстегивать пуговицы джинсов.

– Ты с утра ходила по квартире в трусах, а сейчас что поменялось? Ты можешь ответить!

– Я боюсь тебя! – проямлила Айя.

– Ты должна бояться только себя и того бардака, что у тебя в голове! Снимай с себя все, и быстрее! – настойчиво сказал я.

Она расстегнула все пуговицы и спустила джинсы до колен, а затем начала топтаться с ноги на ногу, снимая полностью джинсы ногами.

– Можно я скажу? – дрожащим голосом спросила Айя.

– Говори, только одним предложением!

– Я не хочу снимать футболку! – почти шепотом сказала она.

Я медленно и спокойно встал в кресла, резко схватился обеими руками за горловину футболки и разорвал ее прямо на ней. Она испугалась и руками закрыла грудь, приподняв одну ногу к животу.

– А я хочу! Продолжай, у тебя ровно двадцать секунд, чтобы снять носки, трусы и эту тряпку у тебя на груди, иначе я выставлю тебя на лестницу в таком виде, – произнес я спокойным голосом, не прекращая смотреть Айе в глаза, и сел назад в кресло.

Она медленно, по очереди сняла красные носки с нарисованными на них желтыми звездочками, которые снова подтверждали мою теорию, что ей нужно прекратить быть ребенком и что, скорее всего, она использует подобное поведение и образ, как защиту от внешнего мира, людей и, конечно же, мужчин. Явно, кроме ее последнего парня, в ее жизни были сильные негативные потрясения, связанные с мужчинами, о которых мне еще предстояло узнать.

На ней осталась порванная футболка и трусики чисто белого цвета без каких-либо рисунков, с легким кружевом на резинках. Засунув большие пальцы по бокам в трусики, она остановилась и посмотрела на меня. Ее взгляд был как последняя остановка перед прыжком со скалы. Я увидел это в ее глазах и сказал:

– Продолжай!

Она начала медленно тянуть трусики вниз, опустив взгляд к своему лобку, словно смотрела, пытаясь оценить, каким его увижу я, и понравится ли он мне. У меня пробежались "мурашки в голове", словно покалывания в мозге, то ли предостерегающие от чего-то, то ли дающие понять, что пик эмоционального напряжения достигнут. Но я всеми силами старался не подавать вид присутствия хоть каких-то эмоций, так как это разрушило бы весь момент. Наконец, она спустила трусики до половины бедер, и они сами упали на пол. Айя отодвинула их, отступив ногами и от смущения слегка скрестила дрожащие ноги. Под не выбритым и сильно заросшим лобком хорошо виднелись массивные половые губы. Они были крайне непропорциональны телу Айи, и практически лежали на бедрах. У многих мужчин есть пунктики по

отношению женской вагины, но моя основная слабость – большие половые губы, испещрённые морщинками и микроскопическими складочками. Они податливы и, по моему мнению, представляют из себя отдельный половой орган у очень небольшого числа женщин, разнообразные игры с которым могут доставить удовольствие обоим партнерам.

На моем лице появился легкий, едва заметный румянец, но мне казалось, что мое лицо просто горит ярким пламенем и этого едва не заметила Айя. Она явно комплексовала по поводу больших половых губ, хотя это было абсолютно глупо. Ее вагина напоминала, как ни банально, спелый розоватый персик, который хотелось вкусить прямо сейчас. Я осек себя и взглянул Айе в глаза, она сильно покраснела, одной рукой она закрывала грудь, а второй пыталась безуспешно прикрыть половые губы и лобок, отвернув голову к окну.

– Убери руки на бедра, я хочу на тебя посмотреть! – сказал я.

Она медленно, рывками, сильно напрягаясь от плеч до кистей, начала убирать руки с груди и вагины одновременно. Когда они достигли бедер, Айя посмотрела на меня, явно ища в моих глазах оценку своей внешности.

– Поставь ноги на ширину плеч, – решительно произнес я.

По неизвестной причине, она сделала это немного смелее, расставив ноги и обнажив всю прелесть своего влагилица.

– А теперь, возьми свою футболку и джинсы и вытри свои грязные следы на полу и стене. Тщательно, на коленях, а я прослежу за тобой!

Она слегка опешила и повернув голову начала искать глазами грязные следы на паркете и стенах. Айя присела, чтобы взять футболку и джинсы, и я заметил каплю, которая упала на пол и паутинку, растянувшуюся от ее половых губ. Ее возбуждение также выдавали набухшие соски. Она поднялась и медленно пошла в сторону прихожей, от стеснения пытаясь поворачиваться ко мне боком и периодически нервно поглядывая на меня все еще опухшими от слез глазами. Когда она подошла к входной двери, я встал с кресла и подошел к ней.

– Становить на четвереньки, и начинай убирать, – сказал я Айе и стал сзади в нескольких метрах от нее.

Она снова покраснела и медленно стала на четвереньки, боком ко мне и чуть сжимая ягодички, пытаясь хотя бы как-то скрыть от моего взгляда свое влагилице. Она двигалась вперед, и вместе с ней шел я, пристально глядя на ее тело, молодое, подтянутое и еще нетронутое мужчинами, по крайней мере, по ее словам. Стуча коленями по паркету, она нелепо передвигалась и в некоторые моменты мне казалось, что даже специально меняла позу, чтобы мне было видно, как из нее прямо на пол течет ваниль. Это придавало моменту особенного волнения, так как я уже был на грани от желания трахнуть ее прямо там, одной рукой держа за волосы, а другой сильно сжимая задницу сбоку, чтобы фрикции были как можно более жесткими и глубокими. Она продолжала возить порванной футболкой по полу, а я то и дело отгонял от себя мысли, изнасиловать ее.

Когда она добралась к углу комнаты, то попыталась встать, но потом резко остановилась и вернулась на четвереньки. Слегка повернув ко мне голову, она спросила:

– Я хочу спросить?

– Спрашивай!

– Можно я встану, чтобы вытереть стену?

– Да, можно. – ответил я и подошел почти вплотную к ней.

Она встала и начала круговыми движениями быстро вытирать стену, ее попа ходила из стороны в сторону, и я был уже почти готов напасть, но сдержав себя, я развернулся к ней спиной и сказал:

– Все, хватит! Теперь собери всю одежду, забрось в стиральную машину и прими душ!

Она молча собрала по гостиной всю свою одежду, по пути вытирая грязь, которую оставила, когда шла из угла к креслу. Я стоял у входа в ванную, и когда она с вещами уже почти прошла мимо меня, я остановил ее, взяв за руку, посмотрел в глаза и сказал:

– Твои игры закончились, теперь ты моя игрушка!

Она не двинулась с места, а я развернулся и пошел в спальню, закрыв за собой двери.

День 2. Среда, 26 декабря

– Да хватит звонить, – сказал я вслух прямо в подушку и схватил рукой телефон, лежащий на прикроватной тумбочке. Звонила моя секретарша, которая напомнила о купленных билетах на самолет в Стамбул на мебельную выставку, где была запланирована встреча с владельцем сети гостиниц. Водитель должен был заехать за мной уже через три часа. Я совсем забыл про поездку, что вызвало во мне еще больше опасений по поводу стабильности моего бизнеса в следующие две недели. Как только я положил трубку, раздался еще один звонок.

– Ты в офисе появляться будешь или все на мои плечи решил возложить? Что-то случилось? – в обычной для себя манере начал разговор Андрей. Это был мой компаньон, с которым мы прошли многое и из ничего построили масштабный бизнес. Он знал о моих слабостях, влияние которых на работу его уже давно не раздражало. Он проявлял, как ему казалось, искреннюю заботу, но я давно заметил за ним попытки аккуратно прибрать мою долю к рукам, поэтому последние два года я вел себя с ним осторожно и старался не открывать перед ним подробностей своей личной жизни. Мне не раз докладывали сотрудники, что он безуспешно пытался склонить часть коллектива на свою сторону. Мне его попытки доставляли больше пользы, чем вреда, так как это была замечательная возможность поощрить сотрудников, вселяя в них ощущение собственной значимости и незаменимости.

– Ну кто-то же должен заниматься развитием, в офисе у нас есть кому сидеть!

– Я планирую отмечать Новый год у себя в загородном доме, ты, как всегда, приглашен, но мне нужно знать, ты будешь сам или с кем-то?

– Я буду с парнем или с двумя, – пошутил я спустя секундную паузу.

Андрей засмеялся и сказал:

– Ну хорошо, только, пожалуйста, бери парня без усов, а то меня вырвет, если я увижу, как вы целуетесь, – подхватил он мою шутку. – Ладно, я на тебя рассчитываю, Марина тоже тебя ждет, а уж после того, как я ей расскажу, что ты неожиданно стал геем, я думаю мы дорожку красную расстелем у входа и снимать твой приезд на камеру будем.

Марина была гражданской женой Андрея, они познакомились еще в институте, и она все это время пытается его женить на себе. Для него же это превратилось в соревнование – затащит в ЗАГС или не затащит. Детей он не хочет, а ей уже явно хочется превратить их двоих в троих, а может и в четверых. Я часто спрашивал у него, почему он мучает ее, и не лучше ли ее отпустить, чем постоянно поддерживать в ней надежду на семейное счастье. Но он только отшучивался. В доме же у них всегда было беспокойно. Я никогда не любил ходить к ним в гости, потому как в любой комнате их громадного дома чувствуется атмосфера постоянной борьбы даже в мелочах. Место для каждой вазы, картины и стула было с боем выбито Мариной у Андрея.

Необходимость поездки вносила коррективы в мои планы, но я решил использовать это время с максимальным "терапевтическим" эффектом для наших отношений с Айей. Я решил, что лучше показать свою натуру, привычки и применить методы воспитания как можно раньше, чтобы дать ей возможность смириться, вовлечься или отвергнуть такие отношения.

Звуки посуды и шагов в гостиной явно говорили о том, что она завтракает. Медленно поднявшись и сев на край кровати, глядя в окно, я стал собираться с мыслями и планировать сегодняшний день. Перед глазами все время возникали картины ее обнаженного тела, ползющего по полу на четвереньках и вытирающего грязь. Мне очень хотелось ее взять на руки, отнести в спальню и выплеснуть все свои чувства в прямом и переносном смысле. Бурная фантазия рисовала образы нашего секса, ее стонов, вздымающегося тела и оргазма. Но я понимал и убеждал себя, что для этого было еще совсем рано. Ее нужно было подготовить, она должна понимать, что секс – это не просто акт совокупления, это нечто большее – слияние,

эмоции, открытость, даже обнаженность душ друг перед другом. Это целая жизнь, и скучная она, обыденная и простая или наполненная эмоциями, яркая и незабываемая – зависит только от преодоления шаблонов в голове, отсутствия глубокого обдумывания поступков и вида со стороны своего тела.

В юности мне было очень трудно выйти за рамки шаблонов, навязанных обществом и строгими уроками жизни, преподанными детдомовскими воспитателями. Для того, чтобы держать «в узде» сотню «беспризорников» им приходилось строго ограничивать нас и рассказывать самые ужасные истории о сексе. Поэтому я подсознательно боялся своих желаний, считая их постыдными и неприличными. Виной тому также стала моя юношеская восприимчивость к мнению окружающих, друзей и первых сексуальных партнеров. Первый секс у меня был, когда мне было около семнадцати лет. Это была взрослая женщина, ей на тот момент было тридцать пять, она была самодостаточной бизнес-леди и нашла в моем лице симпатичного юношу, которого решила «слепить» под себя. Наши занятия сексом были больше похожи на воспитание непутевого мальчишки. Она любила указывать, как правильно двигать языком и губами, когда я вылизывал ее, корректировать интенсивность моих фрикций во время секса, их амплитуду и направление. Я служил живым вибратором, но тогда мне это казалось высшим наслаждением, так как другого опыта у меня не было.

Когда мне было двадцать пять лет я познакомился на работе с девушкой Линой, ставшей сначала для меня хорошим другом. Она знала обо мне практически все, включая, что от меня после рождения отказались родители и я воспитывался в детском доме. Стройная двадцатидвухлетняя блондинка, ростом около ста семидесяти пяти сантиметров, со светло-русыми от природы волосами и глубокими голубыми глазами, тугим круглым задом и небольшой грудью с постоянно торчащими крупными сосками. Она не была милой, ее поведение было не очень женственным, но в ней было какое-то дикое обаяние. Она была бы отличной «мамкой» в публичном доме, именно такая ассоциация сложилась у меня о ней. Лина была очень отчаянной. Мы много общались, шутили, она отличалась очень хорошим чувством юмора, и никак оба не проявляли сексуальной заинтересованности друг в друге. Я даже знакомил ее с несколькими моими друзьями, и она потом достаточно подробно рассказывала мне за бокалом пива, как у них и что было. В этот период встречался с другой девушкой, у нас складывались нормальные отношения и мне не хотелось ничего иного. Но летом меня и Лину отправили в командировку на производство нашей мебельной фабрики в Воронежскую область на три дня.

Ничего не предвещало беды. Приехав на вокзал, я с трудом нашел свой вагон на седьмом перроне, вошел в купе и засунув сумку в верхнюю нишу, сел на нижнюю полку. Я играл в змейку на своей, на то время, последней модели Нокии. Поезд тронулся точно по расписанию в 22:58, но Лины еще не было, поэтому я подумал, что она не поедет и стал готовиться ко сну. Тут на весь вагон раздался громкий голос и в дверях появилась Лина:

– Ага, думал без меня поедешь и уже обрадовался?

Она была в длинном бежевом драповом пальто, на голове была надета вязанная спортивная шапка сине-бело-красного цвета, напоминающая советские шапки "Спорт", в темно-синих джинсах и белых кроссовках. Одеваться она не умела, но ее стройная фигура и очень симпатичное лицо терпело такое издевательство и даже казалось, что это модно. Еле просунув свой огромный чемодан на колесиках в купе, она сказала:

– Так, я люблю спать на верхней полке, поэтому пусть чемодан стоит тут!

Поезд был полупустым, кроме нас в вагоне ехало буквально пять или шесть человек, что было нехарактерно для летнего периода, но мне это даже понравилось.

– Папа мне дал с собой свою фирменную наливку, но она опасная, с ног валит со ста грамм, поэтому если что, пообещай мне, что затащишь меня на верхнюю полку, чтобы я не говорила тебе по пьяни, – попросила она.

– Да в тебе пятьдесят килограмм веса, как в мешке картошки, закину, не переживай, – ответил я и открутил крышку с поллитровой бутылки из-под водки "Столичная", в которой томилась вишневая настойка.

По запаху в ней было градусов шестьдесят спирта, я даже немного скривился.

– Не нюхай, а наливай, пьется она как компот, но чур потом ко мне не приставай, друзья не трахаются друг с другом, – игриво сказала Лина.

– Ты что, я же занят, ты меня вообще, как женщина не привлекаешь, – сказав эту фразу я на секунду подумал, что поплачусь за нее, тем более что затем последовал от нее многозначительный взгляд и секундная пауза, что уже настораживало.

Я молча налил в пластиковые стаканы по половинке наливки, Лина достала два гамбургера из «МакДональдс» и мы принялись, медленно попивая наливку, разговаривать о работе, жизни и политике. Медленно, по мере осушения бутылки, разговоры перетекли к теме секса.

– В пятницу после клуба привела к себе парня из моего института, учились в одной группе когда-то, давно его хотела трахнуть, а тут такой случай. Так он мне сказал, что я бревно и вообще не умею сосать, представляешь! У меня было куча мужиков, а он мне говорит, что я сосать не умею! Дебил. Да я чемпион по минету, я с яйцами заглатываю, у меня даже рвотного рефлекса нет! – с изрядно заплетающимся языком возмутилась Лина.

– Может и не умеешь, не факт же, что все мужики, которые у тебя были, прямо бы в лоб тебе об этом сказали! – ответил я. У Лины глаза округлились, она была готова взорваться от злости.

– Бля, ну от кого я не ожидала такое услышать, так это от тебя, – не стесняясь в выражениях произнесла она. – Хочешь, я тебе докажу, что этот ублюдок был не прав, – добавила Лина и уставилась прямо на меня.

– Слушай, ну ты и я протрезвеем завтра, тебе будет стыдно, а я не буду знать, как себя вести, потому что мы вроде ж друзья, а ты мне отсосала. Плюс ко всему, я пьяный в щепки, у меня даже не встанет, – спокойно ответил я, пытаюсь погасить ее ярость.

– Я так сосу, что у мертвого член встанет, давай!

Она быстро спустилась с полки на колени передо мной и начала расстегивать ширинку моих джинсов.

– Стоп, стоп, Лина! Ты пьяна и неадекватна, успокойся! – схватив ее за руки, сказал я.

Я встал, посадил ее на полку и вышел в тамбур перекурить. Она осталась сидеть в купе и ничего мне не сказала мне в след. Пока я курил в тамбуре я пытался найти слова, которыми ее придется успокаивать. Это был первый момент, когда я начал рассматривать ее как женщину. Да, она была пьяна, да и разговоры о всех ее мужиках за время нашего знакомства не добавляли мне прыти в ее соблазнении, но она была действительно сексуальной.

Идя по коридору до своего купе, я был морально готов к продолжению этого разговора. Открыв двери, я увидел, что она мирно спит, посапывая на нижней полке. Так как я пообещал ей, я взял ее на руки и не без труда положил на верхнюю полку, а сам лег на свою.

– Молодожен, вставай, через пятнадцать минут прибываем! – именно этой фразой меня разбудила проводница, открыв двери нашего купе. Лины в купе не было, выглянув в коридор я увидел ее в очереди в туалет. Я сел на полку, протер руками глаза, потянулся и уставился в окно. Я все думал, как свести "на нет" вчерашний разговор, понимая, что его последствия могут разрушить нашу дружбу, а я так не хотел терять ее как друга. Мне нравились наши разговоры, ведь общение с раскрепощенной и красивой девушкой – это совсем другое, нежели общение с друзьями.

– Привет, умываться идешь? – мои мыслительные процессы прервала Лина.

– Ага, – ответил я, взял полотенце и пошел в туалет.

Вернувшись, я обнаружил Лину уже полностью собранной, одетой и готовой к выходу.

С вокзала нас забрал сотрудник нашей фирмы Сергей, мы сели в микроавтобус и ехали всю дорогу молча, оба уставившись в окна и наблюдая за окружающими пейзажами. Производство располагалось в небольшом рабочем поселке в двухстах километрах от Воронежа. В нем же располагалась и наша гостиница, точнее целый гостиничный комплекс, построенный в чистом поле в двух километрах от ближайшей дороги. С виду он был похож на огромную трехэтажную деревянную избу из сруба с множеством небольших деревянных беседок по периметру. На территории было небольшое озеро с пляжем, здесь можно было купаться, загорать на шезлонгах и даже перекусить в пляжном баре. Комплекс был построен буквально год назад, в нем также была пара небольших магазинов с вещами и сувенирами, ночной бар с живой музыкой и даже относительно приличный ресторан.

На ресепшн наш сотрудник выдал нам ключи от номеров, находящихся через стену друг от друга на втором этаже отеля. Мы молча взяли ключи и поднялись каждый в свой номер, не проронив друг другу ни слова. Вдогонку Сергей сказал:

– Я заеду за вами в пол третьего, будьте готовы!

Мой номер был очень уютным, хоть и не очень большим. Зайдя в него, справа я увидел открытую дверь в снежно-белую ванную комнату с унитазом, биде и душевой кабиной с гидромассажем. Пройдя через небольшой коридор, я вошел в единственную комнату – спальню. Справа у стены стояла большая двуспальная кровать с белым постельным бельем, аккуратно застеленная темно-коричневым покрывалом. Слева в углу стояло кожаное кресло, а прямо напротив кровати стояла тумба, на ней стоял телефон, псевдо-серебряный поднос с графином воды и тремя гранеными стаканами. Над тумбой на стене висел большой плоский телевизор. Вроде бы ничего особенного, но темно-коричневые плотные шторы придавали номеру уюта. На небольшом балконе меня не ожидало сюрпризов, окна выходили на внешнюю сторону комплекса, поэтому из моего окна открывался вид на густой хвойный лес в нескольких сотнях метров.

Я лег на кровать и уставился в потолок. Предчувствие говорило мне, что отношения с Линой изрядно испорчены и такого общения как раньше уже не будет. Меня это немного огорчало, но я не видел выхода из ситуации, так как просто забыть происшествие в поезде ни мне, ни ей не удастся.

В пятнадцать минут третьего я спустился вниз, зашел в ресторан и сел у бара так, чтобы мне было видно ресепшн-стойку. В баре не было окон, естественный свет поступал только через двери, поэтому казалось, что там всегда глубокий вечер. Сам бар был небольшим, но уютным. Небольшие круглые столики, расставленные по всему помещению, и сцена в углу для выступления музыкантов прямо напротив бара.

– Можно чашку черного кофе? – спросил я у бармена.

– Вам эКспрессо? – по этому вопросу я понял, что хорошего кофе ожидать не стоит.

– Нет, давайте лучше зеленый чай.

– Вам пакетированный или заварной? – опять спросил бармен.

И тут я увидел, что наш водитель Сергей уже приехал и мило ворковал у ресепшн с поленькой симпатичной администраторшей.

– Пакетированный и сможешь сделать мне с собой? – попросил я бармена.

– Да, конечно.

Он положил пакетик чая в плотный бумажный стаканчик, залил кипятком и пододвинул ко мне. Я расплатился и вышел к Сергею. Лина подошла буквально через пару минут, и мы поехали на производство.

– Ты забыл портмоне, вон лежит, – сказал мне Сергей, указывая рукой на сидение. Я опять вошел в микроавтобус, забрал портмоне, но, когда вышел, увидел через стеклянные

двери отеля, что Лина уже поднималась по ступенькам на второй этаж. Я неспешно пошел в свой номер.

«Мда, веселые будут эти два дня», – подумал я. Пока мы были на заводе, Лина вела себя очень необычно. Она говорила только короткими фразами, ни разу не посмотрела в глаза и вообще, была очень холодной и отстраненной. В голову лезли разные мысли от простого стеснения до отвращения ко мне с ее стороны.

Закрыв за собой двери номера и сняв одежду, я принял душ. Так как было уже почти восемь вечера, решил пойти поужинать и немного выпить. Я одел белую рубашку с коротким рукавом в крупную синюю клетку, джинсы и мокасины на босу ногу. В ресторане было занято около половины столиков, играл какой-то местный джаз-коллектив, атмосфера располагала к отдыху души и тела. Я сел за столик в углу сбоку от барной стойки, чтобы быть подальше от сцены. Ко мне подошла очень симпатичная официантка. Я не люблю рыжих, но она была очень обаятельной, от ее улыбки хотелось улыбнуться самому, у нее были красивые белые зубы и ямочки на щеках. Выющиеся рыжие волосы были собраны в хвост на затылке.

– Ужинать будете? У нас сегодня отличные стейки из говядины, – сказала она.

– А как Вас зовут? – спросил я.

– Оля! – ответила она и улыбнулась.

– Ну стейк, так стейк! И дайте еще сто грамм коньяка какого-то хорошего, два-три ломтика черного хлеба и еще салат фруктовый со сливками.

Не успел я закончить, как к моему столику подошла Лина.

– Официанток соблазняешь? – спросила громко Лина так, что обернулись даже люди, сидевшие перед самой сценой.

– Не спугни мне добычу! – тихо, слегка наклонившись к Лине, сказал я.

– Это все, что вы будете заказывать? – спросила официантка.

– Нет, – сказала Лина. – Мне тоже что и ему, плюс сто грамм коньяка.

– То есть, вам двести грамм коньяка? – улыбнувшись переспросила официантка.

– Ааа, ты тоже коньяк заказал? Тогда, да, неси двести!

Оля записала заказ и направилась к другому столику, а Лина села справа от меня.

– Слушай, но она же не в твоём вкусе! – провожая официантку взглядом сказала Лина.

– Ну, для разнообразия почему бы и нет, она обаятельная и видно, что страстная. Рыжие волосы – это знак, что в постели скучно не будет.

– Ну да, и грудь у нее большая, не то, что у меня... да и сосет она, наверное, лучше меня! – засмеявшись произнесла Лина.

Я немного смутился, так как был в предвкушения обсуждения вчерашней неловкой ситуации.

– Может тебе сок или колу, а то ты еще трезвая и уже бузить начинаешь, что ж после коньяка будет? – спросил я.

– Не бойсь, я держу себя в руках.

– Руками, конечно, тоже неплохо, но с женщиной – лучше, – дерзко пошутил я.

– Да ну тебя, – сказала с обидой Лина и хлопнула ладошкой меня по плечу.

Затем мы достали свои телефоны и каждый погрузился в мир сообщений и «социальной жизни».

– Ваши стейки и салаты, коньяк сейчас принесу, – сказала Оля и поставила тарелки с едой.

– Оля, а у вас муж есть или парень, – спросила Лина у официантки.

– А что, у Вас брачное агентство? – неожиданно, но игриво ответила Оля и ушла к бару.

– Ого, – ответила Лина. – Давай ее вместе трахнем?

– Какие новости! Не знал, что тебе и девушки нравятся, – удивленно спросил я у Лины.

– Ну, красивые девушки, они же красивые не только для мужчин. Так зачем себе отказывать в удовольствии? – ответила Лина и принялась разрезать стейк.

– Я не понимаю, что с тобой происходит со вчерашнего дня? Ты пытаешься мне отсосать в поезде, потом вообще не обращаешь на меня внимание целый день, делая вид, что мы не знакомы, и тут же вечером предлагаешь трахнуть вместе официантку. Это какая-то женская истерика?

– Ну, я думала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.